

хуже того: будет держать ее на расстоянии, какое бы пылкое чувство ни снедало его. Эту броню ей никогда уже не пробить. Слова «гостеприимство», «порядочность», «честь» значат для него куда больше, чем она сама.

Глина охладила руку Скарлетт, и она снова взглянула на зажатый в пальцах комок.

— Да, — сказала она, — это у меня пока еще есть.

Сначала это были просто слова, а комок в руке был просто красной глиной. Но внезапно она подумала о море красной земли, окружающем Тару, о том, как это ей дорого, и как она боролась за то, чтобы это сохранить, и какая ей еще предстоит борьба, если она хочет, чтобы Тара осталась у нее. Скарлетт снова посмотрела на Эшли, удивляясь, как вдруг исчезли бушевавшие в ней чувства. Мысли были, а чувств не было, словно ее выпотрошили: ей безразличен был и он, и Тара.

— Тебе нет нужды уезжать, — отчетливо произнесла она. — Я не допущу, чтобы вы голодали из-за того, что я повисла у тебя на шее. Больше этого не повторится.

Она повернулась и пошла к дому прямо по неровному полю, на ходу скручивая в узел волосы на затылке. Эшли стоял и смотрел ей вслед. Внезапно он увидел, как она распрямила свои худенькие плечи. И этот жест сказал ему больше, чем любые слова.

ГЛАВА 32

Все еще сжимая в руке комок красной глины, Скарлетт поднялась по ступеням крыльца. Она намеренно не пошла черным ходом, ибо острые глаза Мамушки наверняка заметили бы — что-то неладно.

А Скарлетт не хотела видеть ни Мамушку, ни вообще кого бы то ни было. Она не в силах была видеть людей, разговаривать. Ее уже не мучил стыд, разочарование или горечь — лишь была какая-то слабость в коленях да огромная пустота в душе. Крепко сжав глину, так что она просочилась между пальцев, Скарлетт все повторяла и повторяла, точно попугай:

— Это у меня пока еще есть. Да, это у меня пока еще есть.

А больше у нее уже ничего не было — ничего, кроме этой красной земли, которую несколько минут назад она готова была выбросить, как рваный носовой платок. Сейчас же земля эта снова стала ей дорога, и Скарлетт лишь тупо подивилась собственному безумию: как могла она с таким небрежением отнестись к земле. Уступи Эшли ее напору — и она уехала бы с ним, даже не обернувшись, чтобы бросить последний взгляд на свою семью и друзей, тем не менее даже сейчас, несмотря на пустоту в душе, она понимала, что ей было бы тяжело покинуть столь дорогие сердцу красные холмы, и узкие сырые овраги, и эти темные призрачные сосны. Она бы снова и снова с жадностью вызывала их в памяти до самого своего смертного дня. Если бы она вырвала из сердца Тару, даже Эшли не смог бы заполнить образовавшуюся в нем пустоту. Какой же Эшли все-таки умный и как хорошо он ее знает! Вложил в ее руку комок влажной земли — и она пришла в себя.

Войдя в холл и уже прикрывая за собой дверь, Скарлетт вдруг услышала стук копыт и обернулась, чтобы посмотреть, кто едет. Принимать сейчас гостей, — нет, это уж слишком! Скорее наверх, к себе, и сослаться на головную боль.

Однако при виде подъезжавшей коляски Скарлетт в изумлении остановилась. Коляска была новая, лакированная, и у лошади была новая сбруя, на которой тут

и там поблескивали начищенные медные бляшки. Кто-то чужой. Ни у кого из ее знакомых не было денег на такой великолепный новый выезд.

Она стояла в двери и смотрела на приближавшуюся коляску, а холодный ветер, приподнимая юбки, обдувал ее мокрые ноги. Наконец коляска остановилась перед домом, и из нее выскочил Джонас Уилкерсон. Потрясенная Скарлетт не могла поверить своим глазам: перед ней был их бывший управляющий в роскошном пальто, прикативший к тому же в отличном экипаже. Уилл говорил ей, что Джонас стал явно процветать с тех пор, как получил эту новую работу в Бюро вольных людей. Нахватал кучу денег, сказал Уилл, облапошивая то ниггеров, то правительство, а то и тех и других: к примеру, отбирал у людей хлопок, а потом клялся, что это был хлопок Конфедерации. Конечно, никогда бы ему не заработать честным путем столько денег в такое тяжелое для всех время.

И вот он перед ней — вышел из элегантной коляски и помогает выйти какой-то женщине, разодетой в пух и прах. Скарлетт с одного взгляда увидела, что платье на женщине — яркое до вульгарности, и все же глаза ее жадно вбирали в себя мельчайшие детали туалета незнакомки: она ведь давно не видела новых модных нарядов. Та-ак! Значит, юбки в этом году носят не такие широкие, подытожила она, оглядывая красную клетчатую юбку. Потом взгляд ее скользнул вверх, по черному бархатному жакету — вот какие нынче их носят короткие! А до чего же смешная шляпка! Чепцы, должно быть, уже вышли из моды, ибо на макушке у незнакомки лежал нелепый плоский блин из красного бархата. И ленты завязаны не под подбородком, как у чепцов, а сзади, под тяжелой волной локонов, ниспадавших на шею из-под шляпки, — локонов, которые, как тотчас заметила Скарлетт, отличались от остальных волос и цветом,

и шелковистостью. Женщина сошла на землю и повернулась к дому, и тут кроличье лицо, густо обсыпанное пудрой, почему-то показалось Скарлетт знакомым.

— Да ведь это же Эмми Слэттери! — от изумления произнесла она вслух.

— Да, мэм, она самая, — отозвалась Эмми и, вздернув голову, широко ослабившись, направилась к крыльцу.

Эмми Слэттери! Грязная, несчастная потаскушка, незаконнорожденного ребенка которой крестила Эллин, — Эмми, заразившая Эллин тифом! И эта разряженная, вульгарная, мерзкая девка, белая рвань, поднимается сейчас по ступеням Тары с таким видом и с такой улыбочкой, точно тут ей и место... Скарлетт вспомнила Эллин, и чувства нахлынули, затопив пустоту, образовавшуюся было в ее душе, — ею овладела такая смертоносная ярость, что она затряслась, как в приступе малярии.

— Сойди сейчас же со ступеней, ты, дрянь! — закричала она. — Убирайся с нашей земли! Вон отсюда!

У Эмми отвисла челюсть, и она взглянула на Джонаса. Тот шагнул, насупившись, стараясь держаться с достоинством, несмотря на закипавший гнев.

— Вы не должны так говорить с моей женой, — сказал он.

— Женой?! — повторила Скарлетт и разразилась презрительным смехом, резавшим точно нож. — Тебе давно пора было на ней жениться. А кто крестил остальных твоих вырожденков после того, как ты убила мою мать?

— О! — воскликнула Эмми, повернулась и, сбежав со ступеней, кинулась к коляске, но Джонас резко схватил ее за руку и задержал.

— Мы сюда приехали с визитом — с дружеским визитом, — прошипел он. — А также потолковать об одном небольшом дельце со старыми друзьями...

— Друзьями? — Это прозвучало как удар хлыста. — Да разве мы когда-нибудь дружили с такими, как ты?

Слэттери жили нашими благодеяниями и отблагодарили нас за это, убив мою мать, а ты... ты... папа выгнал тебя потому, что ты сделал Эмми ребенка, ты прекрасно это знаешь. Друзья?! Убирайся отсюда, пока я не позвала мистера Бентина и мистера Уилкса.

Тут Эмми вырвалась из рук мужа, кинулась к коляске и мигом залезла в нее — мелькнули лишь лакированные сапожки с ярко-красной оторочкой и красными штрипками.

Теперь и Джонас, подобно Скарлетт, весь затрясся от ярости, и его желтоватое лицо побагровело, как зоб у рассерженного индюка.

— Все важничаете, все зазнаетесь, да? Только я ведь все про вас знаю. Знаю, что у вас и башмаков-то крепких нет. Знаю, что отец ваш спятил...

— Убирайся вон!

— Ничего, долго вы так не попоете. Я же знаю, что вы на мели. Вы и налог-то заплатить не можете. Я приехал с предложением купить ваше поместье — с хорошим предложением. Уж больно Эмми охота поселиться тут. А теперь — черта с два: я вам цента за него не дам! И кичитесь своими ирландскими кровями сколько хотите — все равно узнаете, кто нынче правит, когда продадут вас с молотка за неуплату налогов. А я куплю это поместье со всеми причиндалами — со всей мебелью и всем, что в доме есть, — и буду тут жить.

Так, значит, это Джонас Уилкерсон зарится на Тару — Джонас и Эмми, которые, видно, решили, что поквитаются за прошлые обиды, поселившись в том доме, где эти обиды были им нанесены. От ярости нервы Скарлетт напряглись, словно натянутая струна, — как в тот день, когда она нацелилась из пистолета в бородатое лицо янки и выстрелила. Вот сейчас бы ей этот пистолет в руки.

— Я разберу дом по камешку, все сожгу, а землю — акр за акром — засыплю солью, прежде чем вы переступите

этот порог! — выкрикнула она. — Вы слышали: убирайтесь вон! Убирайтесь!

Джонас ненавидящими глазами смотрел на нее, хотел было что-то сказать, затем повернулся и направился к коляске. Он сел рядом со своей всхлипывающей женой и стегнул лошадь. Скарлетт неудержимо захотелось плюнуть им вслед. И она плюнула. Она понимала, что это вульгарная, детская выходка, зато ей стало легче. Жаль, что она не плюнула раньше, чтоб они видели.

Эти проклятые выродки, подпевающие неграм, смеют приезжать сюда и издеваться над ее бедностью! Да ведь этот пес вовсе и не собирался предлагать ей деньги за Тару. Это был только предлог, чтобы покрасоваться перед ней вместе со своей Эмми. Грязные подлипалы, вшивая белая голытьба, а еще смеют бахвалиться, что будут жить в Таре!

И тут вдруг ужас обуял ее, и всю ярость как рукой сняло.

Мать пресвятая богородица! Конечно же, они приедут и поселятся здесь. И ей не помешать им: они купят Тару, приобретут с аукциона и зеркала, и столы, и кровати, всю мебель красного и розового дерева — приданое Эллин, все, что так бесконечно дорого ей, Скарлетт, хотя и поцарапано грабителями-янки. Не отстоять ей и робийяровского серебра. «Не допущу я этого! — с новым приливом ярости подумала Скарлетт. — Нет, пусть даже мне придется сжечь поместье! Нога Эмми Слэттери никогда не ступит на пол, по которому ходила мама!»

Скарлетт закрыла входную дверь и прислонилась к ней, вся во власти несказанного ужаса. Куда более сильного, чем в тот день, когда солдаты Шермана явились к ним. В тот день она могла опасаться лишь того, что Тару сожгут у нее на глазах. Сейчас же было много хуже:

вульгарные, премерзкие людишки вознамерились поселиться в их доме, чтобы потом хвастаться своим вульгарным, премерзким дружкам, как они выставили отсюда высокородных О'Хара. С них ведь станет и негров сюда приглашать — угощать их здесь, даже оставлять на ночь. Уилл рассказывал ей: Джонас всюду, где может, показывает, что он с неграми на равных — и ест с ними, и в гости к ним ходит, и раскатывает с ними в своей коляске, и разгуливает в обнимку.

При одной мысли о таком надругательстве над Тарой у Скарлетт бешено заколотилось сердце и даже стало трудно дышать. Она пыталась сосредоточиться, пыталась найти какой-то выход, но не успевала собраться с мыслями, как новый приступ ярости и страха заглушал все. Однако должен же быть какой-то выход, должен же найтись человек, у которого есть деньги и который мог бы ей их ссудить. Не может так быть, чтобы деньги, точно сухие листья, вдруг как ветром сдуло. Есть же люди, у которых они должны быть. И тут она вдруг вспомнила фразу, которую с усмешкой произнес Эшли:

«Только у одного человека есть деньги. У Ретта Батлера».

Ретт Батлер... Скарлетт быстро вошла в гостиную и закрыла за собой дверь. Она очутилась в полумраке, так как ставни были закрыты и к тому же на дворе стоял серый зимний день. Никому и в голову не придет искать ее здесь, а ей нужно время, чтобы спокойно все обдумать. Мысль, пришедшая ей в голову, была столь проста, что Скарлетт могла лишь удивляться, как она об этом раньше не подумала.

«Я добуду деньги у Ретта. Продам ему бриллиантовые сережки. Или возьму под сережки займы — пусть хранит их, пока я не расплачусь».

На секунду она почувствовала такое облегчение, что у нее от слабости закружилась голова. Она заплатит

налог и уж как посмеется над Джонасом Уилкерсоном. Однако не успела Скарлетт порадоваться этой мысли, как неумолимая правда снова всплыла в сознании.

«Но ведь налоги мне придется платить не только в этом году. И в будущем, и через год, и каждый год, пока жива буду. Заплачу на этот раз — они еще повысят налог и будут повышать, пока не выкурят меня отсюда. Если я выращу хороший урожай хлопка, они обложат его таким налогом, что мне самой ничего не останется, а то и просто конфискуют — скажут, что это хлопок Конфедерации. Эти янки и мерзавцы, которые спелись с ними, будут держать меня на крючке. И всю жизнь я буду жить в страхе, что рано или поздно они прикончат меня. Всю жизнь буду трястись, и бороться за каждый пенни, и работать не покладая рук — и все ни к чему: вечно меня будут обворовывать, а хлопок отберут, и все... Эти триста долларов, которые я одолжу сейчас, чтоб заплатить налог, — только временная оттяжка. Я же хочу избавиться от этого ужаса раз и навсегда — чтобы спокойно спать ночью и не думать о том, что ждет меня утром, и в будущем месяце, и на будущий год».

Мозг ее работал как часы. Холодный расчет сам собой подсказывал выход. Она вспомнила Ретта — его ослепительную белозубую улыбку, смуглое лицо, насмешливые черные глаза, бесстыдно раздевающие ее, ласкающие. Ей вспомнилась душная ночь в Атланте в конце осады, когда они сидели на крыльце у тети Питти, укрытые летней тьмой, и она снова почувствовала его горячую руку на своем локте, снова услышала его голос: «Никогда еще ни одна женщина не была мне так желанна, и никогда еще ни одной женщины я не добивался так долго, как вас».

«Я выйду за него замуж, — холодно решила она. — И тогда мне уже больше не придется думать о деньгах».

О, благословенная мысль, более сладостная, чем надежда на вечное спасение: никогда больше не тревожиться о деньгах, знать, что с Тарой ничего не случится, что ее близкие будут сыты и одеты и что ей самой никогда не придется больше биться головой о каменную стену!

Она вдруг показалась сама себе древней старухой. События этого дня вконец опустошили ее: сначала страшная весть о налоге, потом — Эшли и, наконец, эта ненависть, которую вызвал в ней Джонас Уилкерсон. А теперь все чувства в ней притупились. Если же она еще была бы способна чувствовать, что-то в ней наверняка воспротивилось бы плану, который складывался у нее в голове, ибо Ретта она ненавидела больше всех на свете. Но Скарлетт ничего не чувствовала. Она могла лишь думать, и притом думать расчетливо.

«Я наговорила ему уйму гадостей в ту ночь, когда он бросил нас на дороге, но я сумею заставить его забыть об этом, — думала она, исполненная презрения к этому человеку и уверенная в своей власти над ним. — Прикиньтесь такой простодушной дурочкой. Внушу ему, что всю жизнь любила его, а в ту ночь была просто расстроена и напугана. О, эти мужчины — они такие самовлюбленные, чему угодно поверят, если им это льстит... Ну, а я, пока его не заарканю, конечно же, и виду не подам, в каких мы стесненных обстоятельствах. Нет, он не должен этого знать! Если он хотя бы заподозрит, какие мы бедные, то сразу поймет, что мне нужны его деньги, а не он сам. Но в общем-то, откуда ему узнать, — ведь даже тетя Питти не знает, до чего все плохо. А когда я женю его на себе, он вынужден будет нам помочь. Не допустит же он, чтоб семья его жены погибала от голода».

Его жены. Миссис Ретт Батлер. Что-то возмутилось в ней, шевельнулось, нарушив было холодный ход размышлений, и — улеглось. Ей припомнился короткий медовый месяц с Чарльзом, гадливость и стыд, его руки,

неумело шарившие по ее телу, его непонятный экстаз, а потом — извольте: Уэйд Хэмптон.

«Не стану сейчас об этом думать. Волноваться будем после свадьбы...» После свадьбы. Память тотчас откликнулась. И по спине Скарлетт пробежал холодок. Ей снова вспомнилась та ночь на крыльце у тети Питти, вспомнилось, как она спросила Ретта, следует ли ей понимать, что он делает ей предложение, вспомнилось, как он гадко рассмеялся и сказал: «Моя дорогая, я не из тех, кто женится».

А что, если он до сих пор не из тех, кто женится? А что, если, несмотря на все ее чары и ухищрения, он не захочет на ней жениться? А что, если — боже, какая страшная мысль! — что, если он и думать забыл о ней и увлечен сейчас другой женщиной?

«Никогда еще ни одна женщина не была мне так желанна...» Скарлетт с такой силой сжала кулаки, что ногти вонзились в ладони.

«Если он забыл меня, я заставлю его вспомнить. Я сделаю так, что он снова будет желать меня».

А если он все же не захочет на ней жениться, но она по-прежнему будет желанна ему, что ж, можно и на это пойти — лишь бы добыть денег. Ведь предлагал же он ей стать его любовницей.

В сером полумраке гостиной она быстро, решительно вступила в борьбу с тенями, властвовавшими над ней: тенью Эллин, заповедями своей веры и любовью к Эшли. Скарлетт сознавала, что самый ход ее мыслей показался бы омерзительным Эллин, даже там, где она теперь пребывает — в этом далеком и теплом раю. Сознала Скарлетт и то, что прелюбодеяние — это смертный грех. Сознала, что, любя Эшли, предает не только свое тело, но и любовь.

Но все эти соображения отступали перед безжалостной холодностью разума и безысходностью ее отчаяния.

Эллин мертва, и, возможно, смерть заставляет смотреть на все по-иному. Религия запрещает прелюбодеяние под угрозой вечных мук в аду, но если церковь полагает, что она, Скарлетт, не испробует все на свете, чтобы спасти Тару и спасти своих близких от голода, — что ж, пусть это и волнует церковь. А ее, Скарлетт, не волнует ничего. По крайней мере — сейчас. Эшли же... Эшли она не нужна. Нет, нужна. Воспоминание о его горячих губах подсказывало ей, что это так. Но он никогда с ней не уедет. Как странно, убеги она с Эшли, это не казалось бы ей грехом, а вот с Реттом...

В унылых сумерках угасавшего зимнего дня Скарлетт подошла к концу того длинного пути, на который ступила в ночь падения Атланты. Тогда она была избалованной, эгоистичной, неопытной девушкой, юной, пылкой, исполненной изумления перед жизнью. Сейчас, в конце пути, от этой девушки не осталось ничего. Голод и тяжкий труд, страх и постоянное напряжение всех сил, ужасы войны и ужасы Реконструкции отняли у нее теплоту души, и юность, и мягкость. Душа ее затвердела и словно покрылась корой, которая постепенно, из месяца в месяц, слой за слоем все утолщалась.

Но до нынешнего дня две надежды жили в сердце Скарлетт и поддерживали ее. Она надеялась, что с окончанием войны жизнь постепенно войдет в прежнюю колею. Она надеялась, что с возвращением Эшли жизнь вновь обретет какой-то смысл. Сейчас от обеих этих надежд ничего не осталось. Появление Джонаса Уилкерсона на подъездной аллее Тары заставило Скарлетт понять, что для нее, как и для всего Юга, война никогда не кончится. Самые ожесточенные бои, самые жестокие схватки еще впереди. А Эшли — навеки узник тех слов, что прочнее прутьев любой темницы.

Надежда на мирную жизнь не сбылась, как не сбылась и надежда на Эшли, — о том и о другом она узнала в один

и тот же день, и края последней щелочки в покрывавшей ее душу коре окончательно сомкнулись, верхний слой затвердел. С ней произошло то, против чего предостерегала ее бабуля Фонтейн: она стала женщиной, которая видела самое страшное и теперь уже ничего не боится. Не боится жизни, не боится матери, не боится потерять любовь или пасть в глазах общества. Сейчас испугать ее может лишь голод — реальный или увиденный во сне.

Какое-то удивительное чувство легкости и свободы овладело Скарлетт теперь, когда она закрыла свое сердце всему, что привязывало ее к тем былым дням и к той былой Скарлетт. Она приняла решение и, слава богу, ни-сколочко не боится. Ей нечего терять, она все обдумала.

Если только ей удастся заманить Ретта в ловушку и женить на себе, все будет прекрасно. Ну а если не удастся, — что ж, деньги она все равно добудет. На секунду Скарлетт задумалась, с отстраненным любопытством спрашивая себя: а что, интересно, требуется от любовницы? Будет ли Ретт настаивать на том, чтобы она жила в Атланте, где, судя по слухам, живет эта его Уотлинг? Если он заставит ее жить в Атланте, ему придется хорошо за это заплатить — заплатить столько, чтобы Тара не пострадала от ее отсутствия. Скарлетт понятия не имела, из чего складывается интимная жизнь мужчины, и потому не представляла себе, каковы могут быть условия договора. А что, если у нее появится ребенок? Это будет просто ужасно.

«Сейчас не стану об этом думать. Подумаю потом». И она отодвинула неприятную мысль подальше в глубь сознания, чтобы не поколебать своей решимости. Сегодня вечером она скажет родным, что едет в Атланту занять денег и в крайнем случае попытается заложить плантацию. Больше они ничего не должны знать — до того страшного дня, когда так или эдак все узнается.

Как только она приняла этот план действий, голова ее невольно вскинулась, плечи распрямились. Она понимала, что ей предстоит нелегкое испытание. Раньше Ретт искал ее расположения, а решала она. Сейчас она становилась просительницей, просительница же диктовать условия не может.

«Нет, не желаю я ехать к нему просительницей. Я поеду как королева, раздающая милости. Он никогда не узнает правды».

Она подошла к высокому трюмо и, горделиво вздернув голову, взглянула на себя. Из зеркала в потрескавшейся золоченой раме на нее смотрела незнакомка. У Скарлетт было такое ощущение, словно она целый год себя не видела. А ведь она смотрелась в зеркало каждое утро, проверяя, хорошо ли вымыто лицо и тщательно ли причесаны волосы, но при этом всегда была чем-то озабочена и потому толком не видела себя. И теперь на нее смотрела незнакомка! Конечно же, эта тощая женщина с запавшими щеками — кто угодно, но не Скарлетт О’Хара! У Скарлетт О’Хара прелестное, кокетливое, задорное личико! А это лицо никак не назовешь прелестным, в нем нет и следа того обаяния, которое всегда отличало Скарлетт. На нее смотрело бледное, напряженное лицо, черные брови над миндалевидными зелеными глазами резкой линией уходили вверх, словно крылья испуганной птицы. В этом лице было что-то жесткое и затравленное.

«Я же уродина — мне ни за что не зацепить его! — с новым приливом отчаяния подумала она. — И я такая тощая... ох, ужас какая тощая!» Она похлопала себя по щекам, быстро ощупала торчавшие под платьем острые ключицы. Грудь у нее стала совсем плоская — почти как у Мелани. Придется подшить к лифу рюшей, а ведь она всегда презирала девушек, которые прибегали к подобным уловкам. Рюши! Это заставило ее вспомнить еще

кое о чем. Ей же нечего надеть. Она опустила взгляд на свое платье, расправила фалды залатанной юбки. Ретту нравились женщины хорошо одетые, модные. Она с грустью вспомнила пышное зеленое платье, которое надела впервые после траура, — платье и шляпку с зеленым пером, которую Ретт привез ей в подарок, и какие комплименты он ей тогда расточал. Вспомнила и красное клетчатое платье Эмми Слэттери, ее отороченные красным сапожки с красными штрипками и плоскую шляпку — и от зависти еще больше возненавидела ее. Все это было безвкусно кричащее, но новенькое, модное и, уж конечно, привлекало взгляд. А ей так хотелось сейчас снова привлекать к себе все взгляды! Особенно Ретта Батлера! Ведь если он увидит ее в этом старье, то сразу поймет, что дела в Таре плохи. А этого он не должен знать.

Идиотка, да как она могла подумать, что достаточно ей поехать в Атланту, чтобы он тут же пал к ее ногам — при ее-то тощей шее и глазах как у голодной кошки, да еще в этом тряпье! Уж если она не могла заставить его сделать предложение, когда была действительно хороша и разодета как картинка, — на что же надеяться теперь, когда она так страшна и плохо одета?! Ведь если мисс Питти писала правду, то он самый богатый человек в Атланте и, конечно же, может выбрать себе любую красавицу, как добропорядочную, так и не очень. «Ну, что ж, — не без горечи подумала она, — зато у меня есть кое-что, чего у большинства красавиц и в помине нет: я умею принять решение и добиваться своего. И будь у меня хоть одно приличное платье...» Но в Таре не было приличных платьев — ни одного, которое не было бы перелицовано и залатано.

«И ничего тут не попишешь», — подумала она, с безнадежностью уставясь в пол. Под ногами ее лежал бархатный ковер Эллин, некогда цвета зеленого мха, а теперь

выцветший, потертый, заляпанный, — ведь столько народу за это время спало на нем! — и вид его поверг Скарлетт в еще большее отчаяние, ибо она поняла, что Тара — такая же нищенка, как она сама. Вообще вся эта тонушая в полумраке комната нагнала на Скарлетт уныние, и, подойдя к окну, она подняла раму, распахнула ставни ипустила последние лучи заходящего зимнего солнца. Затем снова закрыла окно, прижалась головой к бархатным портьерам, и взгляд ее затерялся в темных кедрах, окружавших там вдали, за выгоном, их семейное кладбище.

Зеленый, как мох, бархат портьер ласкал и чуть покалывал ей щеку, и она, как кошка, блаженно потерлась о материю. И вдруг уставилась на портьеры.

Минуту спустя она уже волокла по полу тяжелый стол с мраморной крышкой. Его заржавевшие колесики протестующе скрипели. Она подкатила стол к окну, подобрала юбки, залезла на стол и встала на цыпочки, чтобы дотянуться до массивного карниза. До него было слишком высоко — она резко дернула портьеру, так что вылетели гвозди, и портьера с карнизом рухнула на пол.

Словно по мановению волшебной палочки дверь в гостиную приоткрылась, и в просвете появилось черное лицо Мамушки, каждой своей морщинкой источавшее неумное любопытство и величайшую подозрительность. Она осуждающе посмотрела на Скарлетт, все еще стоявшую на столе, задрав юбки выше колен, чтобы удобнее было спрыгнуть на пол. Скарлетт была так возбуждена и с таким торжествующим видом взглянула на Мамушку, что та сразу забеспокоилась.

— Что это вы задумали делать с портьерами мисс Эллин? — спросила она.

— А ты что подсматриваешь в дверную щелку? — огрызнулась Скарлетт, соскочила на пол и потянула на себя пыльный тяжелый бархат.

— Чего же тут подсматривать-то, — ответствовала Мамушка, готовясь к бою. — Нечего вам распорядиться портьерами мисс Эллин — что это вы надумали: и карниз сорвали, и портьеры в пыли валяются. Мисс Эллин ох как их берегла, эти портьеры-то, и я не позволю вам такое с ними вытворять.

Скарлетт обратила на Мамушку взгляд своих зеленых глаз — глаз, искрившихся весельем, совсем как в те далекие дни, когда она была капризной маленькой девочкой, о чем частенько со вздохом вспоминала Мамушка.

— А ну-ка, Мамушка, бегом на чердак, принеси мне оттуда ящик с выкройками! — крикнула Скарлетт, подскочив к Мамушке и подталкивая ее к двери. — Я буду шить себе платье!

Мамушка чуть не задохнулась от возмущения при одной мысли о том, что ее двухсотфунтовую тушу заставляют куда-то подниматься, а тем более на чердак, но одновременно в ней зародилось страшное подозрение. Она выхватила портьеру из рук Скарлетт и, словно священную реликвию, прижала к своей монументальной отвислой груди.

— Уж не из портьер ли мисс Эллин собрались вы шить себе платье? Нет, тому не бывать, пока я хоть капельку жива.

На лице молодой хозяйки появилось выражение, которое Мамушка описала бы так: «Уперлась как бык». Но оно тут же сменилось улыбкой, а этому Мамушке трудно было противостоять. Однако на сей раз старуха не попала на удочку. Она смекнула, что мисс Скарлетт заулыбалась лишь затем, чтобы обвести ее вокруг пальца, и преисполнилась решимости не отступить.

— Не надо быть такой скупердяйкой, Мамушка. Я собираюсь в Атланту подзанять денег, и мне для этого нужно новое платье.

— Не нужно вам никаких новых платьев. Нет сейчас таких леди, которые в новых платьях ходят. Они носят старые и очень даже этим гордятся. С чего бы это дочке мисс Эллин одеваться иначе — даже когда она в старом ходит, все должны ее уважать, точно она в шелках.

Упрямое выражение вновь появилось на лице Скарлетт. «Господи Иисусе, вот чудно-то: чем старше мисс Скарлетт становится, тем больше на мистера Джералда походит, а на мисс Эллин — меньше и меньше!»

— Вот что, Мамушка, ты, конечно, знаешь про письмо тети Питти. А она пишет, что мисс Фэнни Элсинг выходит замуж в эту субботу, и я, конечно, хочу поехать на свадьбу. А для этого мне нужно новое платье.

— Да это платье, которое на вас сейчас, нисколько не подвенечному платью мисс Фэнни не уступит. Мисс Питти писала, что Элсинги совсем обеднели.

— Но мне необходимо новое платье! Мамушка, ты же не знаешь, как нам нужны деньги. Налоги...

— Все я про налоги знаю, мэм, да только...

— Знаешь?

— Так ведь Господь Бог наделил меня ушами, чтоб слышать, верно? Ну а мистер Уилл двери-то никогда не закрывает.

И как это Мамушка умудряется всегда все слышать? Просто удивительно, подумала Скарлетт: этакая грузная туша, топает так, что пол трясется, а когда хочет подслушать, подкрадывается тихо, как дикая кошка.

— Ну, раз ты все слышала, значит, слышала и то, как Джонас Уилкерсон и эта его Эмми...

— Да уж, мэм, слышала, — сказала Мамушка, сверкнув глазами.

— Так не будь упрямой, как мул, Мамушка. Неужели ты не понимаешь, что мне необходимо поехать в Атланту и добыть денег, чтоб заплатить налог? И денег надо немало. Я должна это сделать! — И она ударила кулачком

о кулачок. — Ей-богу, Мамушка, они выкинут всех нас на улицу, а куда мы тогда пойдём? Неужели ты станешь препираться со мной из-за каких-то маминых портьер, когда эта дрянь Эмми Слэттери, которая убила маму, строит планы, как бы переехать в наш дом и спать на маминой постели?!

Мамушка перенесла тяжесть своего могучего тела с одной ноги на другую, точно слон на отдыхе. Она смутно чувствовала, что ее хотят провести.

— Да нет, мэм, не хочу я видеть эту дрянь в доме мисс Эллин или чтоб всех нас выставили на улицу, да ведь только... — И она вдруг впиалась в Скарлетт осуждающим взглядом: — От кого это вы деньги-то получать собираетесь, что вам вдруг понадобилось новое платье?

— А это, — сказала несколько ошарашенная Скарлетт, — это уж мое дело.

Мамушка пронзительно посмотрела на нее — как в прежние времена, когда Скарлетт была маленькая и тщетно пыталась оправдать свои проступки. Казалось, Мамушка без труда читала в ее мыслях, и Скарлетт невольно опустила глаза, впервые почувствовав укол совести из-за своей затеи.

— Так, значит, вам понадобилось новое распрекрасное платье, чтобы денег занять. Что-то тут не то. Да и почему-то вы не хотите сказать, откуда деньги-то брать задумали.

— Я вообще не желаю ничего об этом говорить, — возмутилась Скарлетт. — Это мое дело. Отдашь ты мне портьеру и сможешь сшить платье?

— Да, мэм, — еле слышно произнесла Мамушка, сдаваясь столь внезапно, что Скарлетт сразу заподозрила неладное. — Я помогу вам сшить платье, а из атласной подкладки, должно, сделаем вам нижнюю юбочку и панталоны кружевом обошьем. — И с ехидной улыбкой

она протянула портьеру Скарлетт. — А мисс Мелли тоже едет с вами в Тланту, мисс Скарлетт?

— Нет, — отрезала Скарлетт, начиная понимать, что ее ждет. — Я еду одна.

— Это вы так думаете, — решительно заявила Мамушка, — да только никуда вы в таком новом платье одна не поедете. Я с вами поеду. Да уж, мэм, и не отстану от вас ни на шаг.

На мгновение Скарлетт представила себе, как она поедет в Атланту и станет разговаривать с Реттом в присутствии насупленной Мамушки, которая как огромный черный страж будет неотступно следовать за ней. Она снова улыбнулась и положила руку Мамушке на плечо.

— Мамушка, милая. Какая ты хорошая, что хочешь поехать со мной и помочь мне. Но как же наши-то здесь без тебя обойдутся? Ведь ты у нас в Таре сейчас самая главная.

— Ну уж! — промолвила Мамушка. — Не заговаривайте мне зубы-то, мисс Скарлетт. Я ведь знаю вас с той поры, как первую пеленку под вас подложила. Раз я сказала, что поеду с вами в Тланту, значит, поеду, и дело с концом. Да мисс Эллин в гробу перевернется, ежели вы одна-то поедете: ведь в городе-то полным-полно янки и этих вольных ниггеров, да и вообще кого там только нет.

— Но я же остановлюсь у тети Питтипэт, — теряя терпение, сказала Скарлетт.

— Мисс Питти очень даже хорошая женщина, и она, конечно, думает, что все-то видит, но дальше своего носа не видит ничего, — заявила Мамушка, повернулась с величественным видом, как бы ставя на этом точку, и вышла в холл. А через минуту стены задрожали от ее крика: — Присси, лапочка! Сбегай-ка наверх и принеси сюда с чердака швейный ящичек мисс Скарлетт с выкройками. Да прихвати пару острых ножниц — и побыстрее, чтоб нам не ждать тут всю ночь.

«Ну и попала я в историю! — подумала удрученная Скарлетт. — Ведь это все равно что взять с собой сторожевого пса, а то и похуже».

После ужина Скарлетт и Мамушка разложили выкройки на столе, в то время как Сьюлин и Кэррин быстро содрали с портьер атласную подкладку, а Мелани, вымыв щетку для волос, принялась чистить бархат. Джералд, Уилл и Эшли сидели, курили и с улыбкой глядели на эту женскую возню. Радостное возбуждение, исходившее от Скарлетт, овладело всеми, — возбуждение, природу которого никто из них не мог бы объяснить. Щеки у Скарлетт покраснелись, глаза жестко поблескивали, она то и дело смеялась. И все радовались ее смеху — ведь уже сколько месяцев никто не слышал его. А особенно приятно это было Джералду. Помолодевшими глазами он следил за ее передвижениями по комнате и всякий раз, как она проходила мимо, ласково хлопывал ее по боку. Девушки разволновались, точно готовились на бал: отдирали подкладку и резали бархат с таким рвением, словно собирались шить себе бальные платья.

Скарлетт едет в Атланту, чтобы занять денег или в крайнем случае заложить Тару. Ну, и что тут такого страшного, если даже придется заложить? Скарлетт сказала, что они без труда выкупят Тару из урожая будущего года — продадут хлопок, расплатятся, и у них еще деньги останутся; она сказала это так уверенно, что никому и в голову не пришло спорить с ней. А когда ее спросили, у кого она собирается брать в долг, она ответила: «Любопытному нос прищемили», — ответила так игриво, что все рассмеялись и принялись подшучивать и дразнить ее: завела себе дружка-миллионера.

— Не иначе как у Ретта Батлера, — лукаво заметила Мелани, и все рассмеялись еще громче, настолько

нелепым показалось им это предположение, ибо все знали, что Скарлетт ненавидит Ретта и если вспоминает о нем, то не иначе как об «этом подлеце Ретте Батлере».

Но Скарлетт не рассмеялась, и Эшли, засмеявшийся было, умолк, заметив, какой настороженный взгляд бросила на Скарлетт Мамушка.

Сьюлин, заразившись царившим в комнате одиночеством, расщедрилась и принесла свой воротничок из ирландских кружев, хотя и несколько поношенный, но все еще прелестный, а Кэррин стала уговаривать Скарлетт надеть в Атланту ее туфли — это была лучшая пара обуви во всей Таре. Мелани упросила Мамушку не выкидывать бархатные обрезки — она обтянет ими каркас прохудившейся шляпки, и все так и покатались со смеху, когда она заявила, что старому петуху придется, видно, расстаться со своими роскошными, черно-зелеными с золотом перьями, если он не удерет на болото.

Скарлетт смотрела на стремительно двигавшиеся пальцы, слышала взрывы смеха и со скрытой горечью и презрением поглядывала на окружающих.

«Ничего они не понимают — ни что происходит со мной, ни с ними самими, ни со всем Югом. Они все еще думают, будто ничего страшного не может с ними случиться, потому что они — это они: О'Хара, Уилксы, Гамильтоны. Даже черномазые — и те так думают. Какие же они все идиоты! Никогда ничего не поймут! Будут думать и жить, как думали и жили всегда, и ничто не способно их изменить. Пусть Мелли ходит в лохмотьях, собирает хлопок и даже помогла мне убить человека — ничто не в силах ее изменить. Такой она навеки останется — застенчивой, благовоспитанной миссис Уилкс, идеальной леди! И пусть Эшли видел смерть, и воевал, и был ранен, и сидел в тюрьме, и вернулся в разоренный дом — он останется тем же

джентльменом, каким был, когда владел Двенадцатью Дубами. Вот Уилл — тот другой. Он знает, что такое жизнь на самом деле, но Уиллу и терять-то было особенно нечего. Ну, я что до Сьюлин и Кэррин — они считают, что все это временно. Они не меняются, не приспособливаются к новым условиям жизни, потому что думают: это скоро пройдет. Они считают, что Господь Бог сотворит чудо — для их и только их блага. Ну а никаких чудес не будет. Если кто и сотворит здесь чудо, так это я, когда окручу Ретта Батлера... А они не изменятся. Возможно, они и не могут измениться. Я — единственная, кто здесь изменился... да и не изменилась бы, если б жизнь не заставила».

Наконец Мамушка выставила мужчин из столовой и закрыла за ними дверь, чтобы можно было начать примерку. Порк повел Джералда наверх спать, а Эшли с Уиллом остались одни при свете ламп в парадной гостиной. Некоторое время оба молчали — Уилл лишь безмятежно жевал табак, словно животное — жвачку. Однако лицо его было отнюдь не безмятежным.

— Эта поездка в Атланту, — негромко произнес он наконец, — не нравится мне она. Совсем не нравится.

Эшли бросил на него быстрый взгляд и тут же отвел глаза; он ничего не сказал — лишь подумал, не возникло ли у Уилла того же страшного подозрения, какое мучило его. Да нет, не может быть. Уилл же не знает, что произошло днем во фруктовом саду и до какого отчаяния дошла Скарлетт. Не мог Уилл заметить и того, как изменилось лицо Мамушки при упоминании о Ретте Батлере, да и вообще Уилл ничего не знает ни про деньги Ретта, ни про то, какая у него скверная репутация. Во всяком случае, Эшли казалось, что Уилл не может этого знать; правда, с тех пор как Эшли поселился в Таре, он заметил, что и Уилл и Мамушка знают много такого, о чем никто им не говорил, — они просто чувствуют, когда и что

происходит. А в воздухе сейчас было что-то зловещее — какая именно беда нависла над ними, Эшли не знал, но понимал, что спасти от нее Скарлетт он не в силах. Взгляды их за весь этот вечер ни разу не встретились, однако ее жесткая бурлящая веселость пугала его. Терзавшее его подозрение было слишком ужасно — он не мог даже высказать его вслух. Не имеет он права так ее оскорбить — спросив напрямик. Он крепко сжал кулаки. Нет у него такого права: сегодня днем он утратил все права на нее, навсегда. И теперь уже не в состоянии ей помочь. Да и никто не в состоянии. Тут он подумал о Мамушке, о том, с какой мрачной решимостью она резала бархатные портьеры, и на душе у него стало чуть легче. Мамушка уж позаботится о Скарлетт, независимо от того, хочет этого Скарлетт или нет.

«А виноват во всем я, — в отчаянии подумал он. — Я толкнул ее на это».

Он вспомнил, как она, распрямив плечи, уходила от него из фруктового сада, вспомнил, как упрямо была вскинута ее голова. И всем сердцем потянулся к ней, раздираемый сознанием своей беспомощности, снедаемый восхищением перед нею. Он знал, что в ее словаре нет такого выражения: «бесстрашный воитель», — знал, что она непонимающе посмотрела бы на него, если бы он сказал, что не встречал более бесстрашного воителя. Знал Эшли и то, что, скажи он ей, как много в ее поступках истинного бесстрашия, она бы его не поняла. Он знал, что она умеет смотреть жизни в лицо, упорно борется, преодолевая встающие на пути препятствия, штурмует их решительно, не думая о возможности поражения, и продолжает бороться, даже когда поражения не избежать.

Но за эти четыре года он встречал и других людей, которые отказывались признать поражение, — людей, весело шедших навстречу собственной гибели, ибо это

были бесстрашные люди. И, однако, они тоже терпели поражение.

И сейчас, глядя на Уилла, сидевшего напротив него в полутемной гостиной, Эшли думал, что действительно никогда еще не встречал человека более отважного, чем Скарлетт О'Хара, решившая завоевать мир с помощью платья из бархатных портьер своей матери и перьев, выданных из петушиного хвоста.

ГЛАВА 33

Холодный ветер дул не переставая, над головой неслись черно-серые, как сланец, облака, когда Скарлетт и Мамушка сошли на следующий день с поезда в Атланте. Со времени пожара вокзал так еще и не отстроили, и они шагали по золе и грязи, покрывавшей обгорелые развалины. По привычке Скарлетт окинула взглядом площадь, выискивая коляску тети Питти с дядюшкой Питером на козлах, ибо они всегда встречали ее, когда она в войну приезжала в Атланту из Тары. Но она тут же спохватилась и презрительно фыркнула, поражаясь собственной рассеянности. Как же мог Питер ее встречать, когда она не предупредила тетю Питти о своем приезде, а кроме того, Скарлетт вспомнила, что в одном из своих писем старушка сетовала на то, что пала их лошадка, которую Питер «приобрел» в Мейконе, когда они по окончании войны возвращались в Атланту.

Скарлетт внимательно оглядывала вытопанную, изрытую колеями площадку перед вокзалом, выискивая, нет ли экипажа кого-нибудь из друзей или знакомых, кто мог бы подвезти ее до дома тети Питти, но на нее смотрели чужие черные и белые лица. Наверное, ни у кого

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

